

Вэй Циншань передал ему одежду: “Переодевайся и пойдём в город”.

Линь Юй был очень благодарен Вэй Циншаню за такую заботу и тревога в его душе заметно утихла.

Хэ Дун потянул Линь Юя в дом: “Давай помогу тебе переодеться! Кстати, эту маленькую стеганую курточку я с мамой вместе шил”.

А потом хитро подмигнул ему: “А еще её специально для тебя попросил сшить брат Циншань”.

В груди у Линь Юя разлилось тепло. Он не ожидал, что Вэй Циншань так хорошо к нему относится. В будущем он обязательно отплатит ему тем же.

Пока Хэ Дун помогал ему переодеться, Линь Юй чувствовал себя немного неловко. Он никогда не встречал такого открытого и дружелюбного гээра. Больше всего его беспокоило, что тот случайно заметит его шрамы, но, к счастью, под одеждой у него была нижняя рубашка. К тому же Хэ Дун был слишком занят, прикидывая, как сидит одежда, и болтал без умолку, совершенно ничего не замечая.

Из его болтовни Линь Юй узнал, что еще вчера Вэй Циншань попросил мать Дуна сшить для него курточку и обувь, а сегодня, когда пришел за одеждой, хотел купить хоть что-то, чтобы Линь Юю было во что переодеться. Тогда Хэ Дун просто отдал ему свою праздничную одежду.

Слушая, сколько всего сделал для него Вэй Циншань, Линь Юй чувствовал, как сердце наполняется теплом.

Когда он переоделся, Хэ Дун захлопал в ладоши и радостно закружил вокруг него, как пчела: “Вау! В моей одежде ты выглядишь даже лучше, чем я! Хе-хе, просто я чуть-чуть полнее тебя, но зато курточка на тебе сидит идеально!”

Линь Юй покраснел от его комплиментов. Он быстро собрал волосы и закрепил их сзади, оставив кончики свободно спадать вниз.

“Ты почему такой красивый?! А-а-а!” — Хэ Дун аж затопал ногами.

Когда они вышли, Вэй Циншань застыл на месте, не сводя с Линь Юя глаз. Тот надел зеленовато-синюю весеннюю робу, которая идеально ему подошла, подчеркивая его тонкую талию. Правда, кожа у него все еще оставалась бледной и болезненной, но со временем это поправится.

“Брат Циншань, ты даже глазом моргнуть не можешь!” — ехидно хихикнул Хэ Дун.

Вэй Циншань поспешно отвернулся и, стараясь не смотреть, закинул на спину плетеную корзину. Но покрасневшие уши выдали его смущение. Линь Юй тоже смутился и опустил голову.

Собравшись, трое отправились в город. Когда они проходили мимо речки на краю деревни, все женщины, стиравшие там белье, с любопытством вытянули шеи, провожая их взглядами.

Линь Юй тоже почувствовал на себе оценивающие взгляды и, смущённый, чуть ближе придвинулся к Вэй Циншаню, надеясь спрятаться за его высокой и крепкой фигурой.

Вэй Циншань был доволен таким доверием со стороны своего фулана и в его глазах мелькнула улыбка.

По дороге он приветствовал знакомых и одна из женщин, стирающих одежду у реки, окликнула его: “Циншань, куда это ты ведёшь молодого фулана?”

“В город, купить кое-что”.

“А гээр Дун тоже с вами?”

“Ага! Мы с гээром Юем идём гулять!” — весело отозвался Хэ Дун.

Когда трое ушли, у реки тут же закипел разговор.

“Ай да, у Циншаня фулан и правда красивый!”

“Вот-вот, и так хорошо смотрятся вместе!”

Женщины продолжили болтать, не переставая стирать. Хотя весна уже наступила, вода в реке всё ещё была холодной — руки замерзали и краснели, но деревенские давно привыкли. В каждой семье было полно белья, поэтому, как только выдавался свободный день, все собирались у реки.

Тут Ся Хэуа вмешалась в разговор: “А ведь весенняя одежда на новеньком — это же одежда гээра Дуна, верно? Я помню, он в ней ещё в прошлом году ходил”.

“Если так подумать, действительно похоже!”

Ся Хэуа, услышав, как расхваливают нового фулана Вэй Циншаня, невольно почувствовала раздражение. Она и сама любила посплетничать, да ещё и злилась с прошлого дня, когда её свекровь, старая госпожа Вэй, не смогла выпросить ничего у Вэй Циншаня.

“Говорят, в приданое ему дали всего два простых одеяла. Даже одежды не дали, вот и приходится носить чужое, иначе что, голым на улицу выходить?”

После этих слов несколько женщин засмеялись — уж слишком мелочно поступила семья Чжао.

Рядом с ними бельё полоскал другой фулан, тоже недавно переехавший в деревню Луцзя. Он терпеть не мог деревенские сплетни, поэтому не вмешивался, когда женщины обсуждали Линь Юя.

Но Ся Хэуа увлеклась и продолжала говорить всё громче и громче. Про “голым ходить” она явно перегнула палку. В конце концов, рядом были мужчины, которые закончили работу в поле и подошли к реке помыть ноги. Если кто-то из них услышит, будет неловко.

Фулан семьи Чжао, гээр Лянь, был мягким по характеру, но всё же он тоже был фуланом и искренне сочувствовал Линь Юю. Не удержавшись, он попытался его защитить:

“Сестра Хэуа, так нельзя говорить о гээре. Что будет, если кто-то услышит?”

“Ой-ой, да что это гээр Лянь, который обычно слова лишнего не скажет, вдруг стал заступаться за фулана Вэй Циншаня? Что, тоже вчера был на их свадебном пиру? Или, может, получил от них какую-то выгоду?”

Гээр Лянь был не особо силен в спорах, поэтому моментально покраснел и замялся: “Я... я ничего не брал”.

Ся Хэуа холодно хмыкнула и нарочно шлёпнула мокрой одеждой о воду так, что брызги попали гээру Ляню на лицо и одежду.

“Этот Вэй Циншань живучий, конечно, но ты только посмотри на его фулана — типичный бедный парень, да ещё и тощий как смерть. Интересно, сколько лет он у Циншаня протянет?”

Ся Хэуа так вела себя не просто так — она прекрасно знала, что семья гээра Ляня бедная и даже если она его заденет, ему ничего не останется, кроме как молча стерпеть.

Гээр Лянь, до слёз обиженный, схватил свой таз с одеждой и ушёл.

*

Тем временем Линь Юй, Вэй Циншань и Хэ Дун болтая шли в город. До Чанпиня от их деревни Луцзя было полтора часа пути. Всю дорогу в основном говорил Дун, Линь Юй, зажатый между ними, время от времени поддерживал беседу, а Вэй Циншань шагал молча.

С утра у Линь Юя было неважное настроение, но болтовня Дуна помогла ему отвлечься и расслабиться. Он подумал, что не стоит слишком беспокоиться о будущем. Достаточно того, что сейчас Вэй Циншань так хорошо к нему относится.

На нём был весенний халат, под ним лёгкий ватник, а день выдался тёплым, так что холодно ему не было. Наоборот, в дороге он даже немного разругнулся.

На его губах играла лёгкая улыбка, а Дун продолжал без умолку рассказывать про деревенские сплетни.

Вэй Циншань слегка повернул голову к нему: “Не устал? Может, отдохнём?”

“Нет, всё в порядке”, — покачал головой Линь Юй.

Хотя Линь Юй был худощав, он с детства работал в семье Чжао, так что такая дорога для него была не в тягость.

“Брат Циншань, а почему ты не спрашиваешь, устал ли я?” — Хэ Дун вытянул шею и лукаво посмотрел на Вэй Циншаня.

Вэй Циншань нащупал в своём тканевом мешке кусочек тянучки и сунул ему: “Я смотрю, ты и так слишком разговорчив, не похоже, что устал”.

Хэ Дун, зажав во рту сладость, тут же перестал поддразнивать Вэй Циншаня. Тот передал ещё одну тянучку Линь Юю, их руки случайно соприкоснулись, и лицо Линь Юя моментально покраснело.

Вэй Циншань, чьё выражение лица обычно было суровое, под тёплым весенним ветром тоже слегка смягчилось. Хм, хорошо, сегодня мой маленький фулан не мёрзнет, ладошки у него тёплые.

Линь Юй осторожно рассасывал тянучку, наслаждаясь сладким вкусом. Ему очень нравилось, но такие лакомства стоили дорого, и он не решался съесть её слишком быстро.

“Дома ещё есть, после свадьбы осталось много”, — сказал Вэй Циншань, передавая ему мешочек, который носил на поясе. Впереди ещё долгий путь, а в мешочке были всевозможные сладости, которые он собрал специально для Линь Юя.

Тут же к ним потянулась и голова Хэ Дуна. Линь Юй аккуратно держал мешочек в руках, но Дун тут же протянул руку и развязал его. Заглянув внутрь, он не удержался от возгласа: “Ого!”

Внутри лежали сушёные фрукты, тянучки и другие вкусности.

Даже его мать, как бы она его ни баловала, никогда не давала ему столько сладостей разом!

Обычно такие вещи она покупала на рынке не чаще раза в месяц, и тогда Дун мог получить от силы два кусочка сладости или тянучки. А тут... Вэй Циншань, оказывается, был таким щедрым!

Боясь, что Линь Юй будет слишком бережливым, Вэй Циншань специально поддразнил его: “Юй, ешь скорее, а то Дун всё за тебя съест”.

“Я так не сделаю!” — тут же фыркнул Хэ Дун.

Оставшуюся часть пути он болтал без умолку, продолжая жевать сладости. Настроение у него сегодня было просто замечательное — благодаря Линь Юю он и сам получил угощение.

Линь Юй был так увлечён разговором с ним, что только через некоторое время заметил: они с Дуном ели, а вот Вэй Циншань ни разу ничего не взял. Тогда он протянул ему мешочек: “Ты тоже поешь”.

Вэй Циншань, увидев, что его маленький фулан даже в такой мелочи не забыл о нём, почувствовал тёплую радость в душе. Он взял сушёный фрукт и, не глядя, закинул в рот: “Ты ешь, я такое не люблю, оно слишком сладкое”.

Линь Юй только тогда повернулся обратно и продолжил болтать с Хэ Дуном, хотя на самом деле он просто поддакивал “угу” и “ага” на слова Хэ Дуна.

Увидев, что Линь Юй больше на него не смотрит, Вэй Циншань на мгновение скривил холодное, жесткое лицо, что же за сушёные фрукты ему попались? Чуть не свело от кислоты! Но, похоже, Линь Юй ест их с удовольствием.

Когда трое добрались до Чанпиня, уже почти наступил полдень. Первым делом Вэй Циншань спросил у своего фулана, голоден ли он.

Линь Юй покачал головой: “Пока нет”.

Он уже съел немало кисленьких, сладковатых сушёных фруктов — ему понравилось. Живот пока не особо просил есть.

Вэй Циншань первым делом повёл их в тканевую лавку выбрать материал. Сегодня главное дело — заказать новые одежды для его маленького фулана.

Продавец в лавке радушно поприветствовал троих:

“Господа, чем могу помочь?”

“Хочу взять немного ткани для моего фулана”.

Линь Юй слегка смутился, услышав, как Вэй Циншань произнёс слова "моего фулана".

Продавец оказался очень проницательным и тут же стал предлагать:

“Смотрите, вот этот оттенок "небесная лазурь" очень идёт вашему фулану”.

С этими словами он даже поднёс отрез ткани к Линь Юю, чтобы прикинуть.

Вэй Циншань тоже подумал, что этот цвет очень подходит его маленькому фулану — подчёркивает его красоту.

“А ещё у нас есть дымчато-зелёный, травянисто-зелёный, они тоже отлично подойдут вашему фулану. Если нравятся поярче оттенки, можно взять "лотосово-красный" — это сейчас самый модный цвет в уезде, все юноши и девушки его носят!”

Вэй Циншань вспомнил Линя Юя в свадебном наряде — красный ему действительно очень шёл.

“Какой тебе нравится?”

Линь Юй, которого неожиданно спросили, всё ещё витал в мыслях — такие красивые ткани, наверное, очень дорогие...

“Да... да любой подойдёт”.

Хэ Дун тут же вмешался: “Как это "любой"?! Гээр Юй, давай выбирай скорее! А то вдруг брат Циншань выберет что-нибудь страшное!”

Хэ Дун выглядел даже более восторженным, чем сам Линь Юй. В конце концов, после множества примерок Линь Юй выбрал отрез ткани тёмного, дымчато-чернильного цвета.

Хэ Дун ахнул: “Гээр Юй, зачем же ты выбрал такой взрослый цвет? Те голубоватые куда лучше смотрелись!”

Линь Юй же думал о другом: этот цвет тёмный, не так быстро пачкается, что удобно для работы.

Вэй Циншань кивнул: “Возьмём этот на один комплект одежды, ещё тот небесно-лазурный, бамбуково-зелёный и лotosовo-красный — по одному комплекту каждого. И ещё немного белого тонкого полотна для нательной одежды”.

<http://bllate.org/book/15725/1407287>